

РОССИЙСКАЯ «ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ», ЕЁ ПРАВОСОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РОССИЙСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

© Панфилов Н. В., 2016,

канд. филос. наук, профессор кафедры искусствоведения и культурологии,
Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная
академия им. А. Л. Штиглица

Аннотация: в публикации рассматриваются особенности формирования существенных черт российской «интеллигентности», ее воздействия на правовое сознание и правовую культуру и в целом на правосудие. В данном контексте даётся авторская трактовка таких сложных и неоднозначно трактуемых понятий, как «интеллигентность», «социальное», «социальное воздействие», «правосознание».

Ключевые слова: правосознание, социальное, социальное воздействие, интеллигентность.

Abstract: the purpose of this research is to identify unique aspects of the formation process of the essential features of the Russian intellectuals «intelligentsia»; its influence on both legal awareness and legal culture, as well as on the concept of justice. Within the given context, the author presents own interpretation of such rather complex and ambiguous terms as «intelligentsia», «social», «social treatment», and «legal awareness».

Keywords: legal awareness, social, social treatment, the intelligentsia.

Если мы определим как базовую персону нашего анализа индивида 35-45-летнего возраста, мужчину или женщину, жителя города с численностью населения от 500 тыс. человек и выше, имеющего как минимум какое-то специальное образование, по роду занятий среднего предпринимателя, чиновника среднего уровня или несколько выше, преподавателя учебного заведения, журналиста и/или даже работника правоохранительной системы и попробуем выявить источники его/ее правосознания и отношений с правосудием, то получим примерно следующее.

Первоначальный период социализации пройден в советское время, с формированием первичных представлений о властных и правовых отношениях в семье (прежде всего мать), в детских дошкольных учреждениях (опять же в основном женское влияние), в начальной школе.

Далее - средняя школа, пресловутая «улица» (имеющая, скажем, в Татарстане, Башкирии, на Северном Кавказе существенную специфику сравнительно с Курском, Воронежем, Петрозаводском), самые разнообразные внешкольные и внесемейные сферы: спорт, любительские кружки, студии и т.п.

Для 45-летних советский период захватывает либо начало самостоятельной трудовой деятельности, либо службу в вооружённых силах, либо специальное профобразование (ПТУ, ссузы, вузы) и последующую трудовую деятельность. Что касается 35-летних, то они вступали в жизнь в «лихие 90-е», где всё, мягко выражаясь, изменчиво, неопределённо и перспективы... весьма туманны.

В эти же годы верховная власть полностью игнорирует волю граждан, выраженную в референдуме весной 1991 года, возникает зловеще провокационная ситуация с ГКЧП, «отдельные лица» разваливают единое социально-правовое пространство, «гарант конституции» расстреливает из танков конституционный (на тот момент) высший орган законодательной власти.

В связи со всем изложенным можно предположить, каковы представления наших умозрительных персон о праве как искусстве добра и справедливости (в понимании

юристов Римской империи), особенно если анализировать его (право) по частям, принятым в учениях Рима – естественное право, которое рассматривалось именно как справедливость, т. е. служило основой правосудия; право народов; право граждан.

Также существенно само понимание (точнее образ, образно-эмоциональное представление, определяющее отношения и действия) сферы правосудия как технологии и механизма реализации права и власти:

как **права судить** (мать, отец, воспитательница, учитель, преподаватель, начальник...);

как **права требовать и ожидать!** – чтобы меня «судили» по праву (а не по настроению и/или прихоти всех вышеперечисленных, а также и других, не указанных...). Вот только кто в школе, детском саду, не говоря уже о семье, объясняет тому, кого «судят», его «права», или кто – хотя бы более или менее – знает свои права, обязанности и ответственность?

Если первое – право судить – проявляется в основном явочным порядком, то второе – право требовать «суда» по праву – весьма неразвито даже у весьма обременённых образованием и должностями персон, также как и стремление осуществлять это по отношению к другим.

Отсюда достаточно отчётливо проявляется тот уровень правового сознания (да и вообще наличие в сознании правовых моделей и правовых норм) тех носителей социальных отношений и практически-духовной деятельности, которые интенсивно воздействуют на будущих участников процесса правосудия – как его деятелей, так и его «клиентов».

Здесь необходимо все же остановиться на понятиях, вынесенных в заглавие тезисов в силу их весьма широко распространённой «невнятности» не только в повседневном, но и во вполне официальном применении.

Социальное – фундаментальная основа жизни общества, включающая в себя всю совокупность реальных, то есть проявляющихся в действиях и отношениях, качеств и свойств людей, формирующихся в процессе их повседневной жизнедеятельности в данном обществе, в данных культурно-исторических условиях

Социальное воздействие – практически общественное влияние действий, поступков и отношений одних субъектов (персон, групп, учреждений, организаций, общностей) на структуру, проявление, формирование и/или ослабление и нейтрализацию свойств и качеств других субъектов, попадающих в поле или сферу этого влияния.

Интеллигентность – практическое стремление (сознательно или неосознанно) воплотить и/или реализовывать во всех своих действиях и отношениях максимально возможный для данного субъекта (личности, группы) набор социальных ценностей, обеспечивающий высокий профессиональный (или хотя бы должный) уровень авторитета и влияния по отношению как другим субъектам, так и к обществу в целом. Понятно, что ни общественное высокомерие, ни подчёркнутая псевдоэлитарность, которыми часто страдают многие отечественные так называемые «интеллигенты», к этому отношения не имеет.

«Российская интеллигентность» – с давних пор, с эпохи слияния славянских племён, русских, угорских, германских племён, подкреплённая и духовно организованная влиянием сверхполиэтнической Византии, пришедшая с христианством и политически «узаконенная» Петром I – установка и стремление воспринимать в своих трудах и духовных исканиях все культуры всех народов политико-территориального образования «Россия» (в границах ли 1703 года, или 1913 года, или 1985, или 2016...) как общее богатство единого Отечества, развивая, поддерживая, создавая (при необходимости) всё созидательно-объединяющее и ограничивая, преобразовывая или изживая всё деструктивно-

разделяющее. Не следует путать с насаждаемой с заранее обдуманными намерениями пресловутой «толерантностью».

Отсюда следует самый общий вывод: если закон, по мысли митрополита Иллариона (Киев XI в.), призван определять внешние поступки людей на той ступени их развития, когда они ещё не достигли совершенства (а достигнем мы его ещё не послезавтра), то правосудие как социально-практическая реализация закона, «технология» его воплощения должно ориентироваться не на какие-либо влияния, якобы «идеальные», «естественные» модели, а решать проблемы – интеллигентно! – в рамках социально-культурного пространства своего Отечества. Но если соотнести это общее положение с повседневностью, особенно с «повседневностью» тех, кто в силу своего служебного положения и профессиональной деятельности определяет в той или иной форме содержание отношений между людьми - назовём, например, медицинских работников, педагогов самых различных уровней, работников средств массовой информации, театра, кинематографа, эстрады, - то здесь мы столкнёмся с колоссальным, агрессивным, упивающимся самим собой зарядом не просто правового нигилизма, а чистейшей воды правового цинизма.

Если правовой нигилизм - явление для отечественной «интеллигентствующей» публики почти традиционное (ей отдали дань и Белинский, и Чернышевский, и М. Горький – чего стоит его «человек партии, я признаю над собой суд только своей партии» - и многие другие выдающиеся деятели), то правовой цинизм – это фундаментальная характеристика перестроечного времени и особенно - «новой России».

Открытое, напоказ, пренебрежение как нравственно-правовыми, так и официальными правовыми нормами во всех сферах культуры масс, выпячивание и возвеличивание неправовых, самочинных форм борьбы «за справедливость», становится культурной нормой.

Правда, когда дело касается самих этих деятелей, они предпочитают нормальное правосудие и официальную защиту, забывая о том, что сами способствовали их шельмованию и в определённой степени разложению.

А если их что-то не устраивает, апеллируют к «цивилизованному» праву и международным судам. Складывается впечатление, что «мягкими» методами эту ситуацию поправить сложно. Кстати, Китай, то есть КНР, ни у кого не спрашивает, правильная или неправильная у них правовая система, а «цивилизованные» Швеция и Финляндия уже не знают, куда деваться от результатов своей толерантности и реализации «общечеловеческих ценностей».

Список литературы

1. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществознание. Часть I-II. - М., 2013.
2. Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. - СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
3. Сапронов П. А. Россия и свобода. -СПб. : Изд-во Русской гуманитарной академии, 2010.
4. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. - М. : Академический Проект, 2004.